

Сухарев О.С.
д.э.н., проф. в.н.с. ИЭ РАН
Sukharev O.S.
Dr., prof. IE RAS

СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ЗАДАЧИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются качественные характеристики функционирования российской экономической науки, указываются дискуссионные проблемы, которые на взгляд автора, тормозят это развитие, снижают общий потенциал использования экономического знания. Систематизированы основные задачи экономической науки на современном этапе её развития – по группам задач.

Ключевые слова: экономическая наука, мировое развитие, задачи науки, экономическое знание, Российская академия наук

STATE ECONOMIC SCIENCE OF MODERN RUSSIA AND OBJECTIVES OF ECONOMIC KNOWLEDGE

Abstract. The article deals with the qualitative characteristics of the functioning of the Russian economic science, debatable problems indicate that the author's opinion, hinder this development, reduce the overall use of the economic potential of knowledge. Systematized the main task of economic science at the present stage of its development - for groups of tasks.

Keywords: economics, global development, the task of science, economic knowledge, Russian Academy of Sciences

1. Негативные проявления экономической науки в России и как их преодолеть

По мере повышения уровня нестабильности развития мировой экономики и деградации хозяйственной системы России, экономическая наука также не стояла в стороне от деструктивных процессов в обществе и хозяйстве, будучи подверженной этим же процессам. Здесь речь пойдёт о качественном содержании процессов, имеющих своё проявление в функционировании российских экономических школ. Основные негативные проявления её [экономической науки] состояния и движения сводились к следующим позициям.

Во-первых, потеря самостоятельности, обесценивание прошлого опыта, национальных черт, необходимого критицизма и возведение кумира в лице «мэйнстрима», неумение справиться по названным причинам с расширяющимся информационным разнообразием.

Во-вторых, разделение научного сообщества России условно на две большие группы «рыночников» и «государственников». Обострение дискуссии между этими группами, при том условии, что группа

«рыночников» становится группой экспертов власти, а группа «государственников» отторгается. Здесь можно и нудно упомянуть уничижительное отношение к выступлениям академика Д.С.Львова, который представлял вторую группу экономистов, был её наиболее яркой фигурой.

В-третьих, возникновение новых центров образования и исследований, ориентированных в своей деятельности на развитие либеральной экономической идеологии, поддержку «мэйнстрима» внутри России. Возникают учебные заведения, развитие которых особо поощряется правительством, которые получают миллионные гранты, приглашают высокооплачиваемых западных профессоров, да и готовят студентов к отъезду. Эта система сращивается с аппаратом правительства. Именно эти агенты получают преференции при разработке правительственных программ, потому что идеологически толерантны к проводимому общему курсу экономической политики. Как известно, в 2012 году Президентом страны объявлено, что приватизация будет продолжена в стране до конца даже по идеологическим соображениям.

Таким образом, расширение свободы мышления, повышение гибкости экономического анализа столкнулось с рядом трудностей, обусловленных процессами дезорганизации общества и экономики, экономической науки, возникновением институтов, поощряющих подражательный и подчинённый характер развития экономической науки интеллектуальным центрам Запада.

Возникла мода не только на приглашение западных консультантов российского правительства, но и приглашение профессоров, так называемых «звёзд», якобы задающих тон проводимым конференциям. Кстати сказать, такие корифеи секции экономики РАН, как академик Л.И.Абалкин и Д.С.Львов очень сдержанно относились к такой практике, прекрасно понимая, что узурпировать истину невозможно, знать лучше нас самих наше общество и перспективы организации нашего хозяйства так же не может никто, как бы скрупулезно извне не изучал эту жизнь. Видимо, поэтому и к названным крупнейшим экономистам России – «государственникам» возникало предвзятое отношение.

На одном из симпозиумов, проводимых в России, с приглашением так называемых экономических «звёзд» Запада, пришлось наблюдать картину, когда доклады отечественных экономистов априорно признавались хуже – на них отводилось меньше времени и внимания. Те доклады, которые высказывали аргументированную критику отдельным теоретическим положениям, развиваемым западными школами, например, Шумпетером, вообще отвергались. Интрига состояла в том, чтобы не включить подобные доклады, сведя их до уровня дискуссии, потому что «российская наука» не терпит сомнений в принципах сформулированных западными «корифеями» и приглашает так называемых «звёзд» с докладами сегодня, явно подчиняя любые российские исследования этому событию. Это постыдное проектируемое (рукотворное) положение вещей составляет суть интеллектуальной зависимости в развитии экономической науки, на которую откровенно идут отдельные представители академического истеблишмента,

действуя по правилу «нет пророка в своём отечестве». Воспроизводство режима «спокойствия», невозмутимости относительно якобы базовых принципов порождает самоуспокоенность, искореняет так нужный скептицизм в отношении многих западных доктрин, что всегда было атрибутом российской школы политической экономии и советской школы экономистов. Это первый пункт зависимого прогресса в области экономической науки, а, точнее, отсутствия подлинного научного прогресса, который состоит в возможности пересмотреть прошлые принципы и предложить новые. Обесценение собственного мышления в области вопросов организации хозяйства – главное условие конкурентного поражения страны на мировой арене, условие создания режима зависимого развития, либо режима контролируемого «сдерживаемого» развития.

Стиль доклада, когда ссылаются на многие работы западных специалистов – ничего не доказывает, эти работы нужно проверять, включая и эмпирическую основу и проверять на каждой экономической системе отдельно. Подобные сопоставления и отсылки – выглядят неубедительно и уничижительно для отечественной экономической науки. Научные доклады, ссылающиеся или приводящие чей-то опыт, также становятся мало убедительными, поскольку известны многократные случаи, что при переносе институтов и организационных форм из одной социально-экономической среды в иную, эти формы и правила не приживались, резко повышалась их неэффективность, и происходило отторжение. Хрестоматийным стал пример с японскими кружками качества в Великобритании.

Разделение по линии «рыночники-государственники», безусловно, произошло и хорошо наблюдаемо по научным журналам. Часть из них, получив своё имя в советское время, благодаря принадлежности к Академии наук СССР, любыми способами решили отодвинуться от своего «исторического» ресурса, используя приобретённую марку в сегодняшних условиях для сохранения подписчиков и расширение собственного влияния. Их цель – это деньги. Если порождена мода и признано «высоким» то, что делается западными экономическими школами, то самое вероятное, как можно получить деньги – это следовать в этом же русле. Поэтому данные журналы публикуют обзоры, поощряют те статьи, которые не несут живой мысли, а содержат обзоры западных исследований, что само по себе полезно, но не более того. Хуже иное, под видом высокого спроса и названной моды, им удаётся поддерживать подписку. Но ведь факт подписки не означает, что этот журнал многие читают. Более того, имя журнала сложилось давно, и отделить исторические заслуги от сегодняшних заслуг довольно трудно. Проблема в том, что издательское дело в части научной литературы в России находится в упадке – то же относится и к подпискам на научные журналы по экономике, число подписчиков падает год от года. Некоторые агенты и библиотеки подписываются автоматически, оставляя наиболее старые марки журналов, то есть известные издревле, и, отказываясь от подписки на те журналы, которые созданы недавно в 1990-ые гг. Создание отечественной бюрократией списка ВАК усугубляет ситуацию и чисто бюрократически

закрепляет позиции подобных журналов, которые почему-то называются, чуть ли не лидерами. Конечно, обзоры цитироваться будут чаще, нежели авторские исследования и мнения отечественных профессоров. Если спрос подогревается на западные точки зрения, то и результат будет соответствующим. Кроме того, учитывая клановое построение науки в России, в подобных журналах превалируют версии этого клана, публикуются статьи обзоры по банкам, денежной политике, многие лица, рвущиеся в участники секции РАН публикуют прямо серии своих работ в этих якобы передовых журналах. Однако, на поверку весь этот пафос рассыпается, когда наиболее одарённые студенты и аспиранты жалуются, что читать то там нечего, если только для критического обзора первой главы диссертации, потому что для подготовки диссертации читать нужно, как правильно они рассуждают, только монографии, то есть крупные работы в данном направлении науки. Статьи имеют только вспомогательное значение.

Опасность противоборства между «рыночниками» и «государственниками» состоит в том, что возникают неэтичные, оскорбительно-уничижительные случаи, причём между делом, в пылу рассуждений. Подобные вещи должны быть исключены. Невозможно представить, чтобы профессор МГУ, сам член редколлегии журнала либерально-рыночной ориентации применял оскорбительно-уничижительные характеристики ко всем авторам, старейшего журнала страны, - «Экономиста», который имеет значительное по российским меркам число подписчиков (тираж 2000 экз.), статья авторов которого переводятся в соответствующих западных изданиях и главное – публикуются авторские разработки по широкому кругу вопросов экономического знания. Конечно, вызывает раздражение, что «Экономист» публикует статью о том, что студенты западного университета отказались слушать лекции макроэкономиста профессора Г.Мэнкью, чья модель известна в России – публиковалась неоднократно, как и его учебники в МГУ. Да и сам этот профессор приглашался в России. Однако, его модель его работающая, а его лекциями неудовлетворён и западный слушатель. Безусловно, среди российских заинтересованных участников это вызывает раздражение, но опускаться до оскорблений в своих личных оценках – это значит атаковать людей, а не проблемы. Это и есть признак нижней научной квалификации, даже несмотря на имеющиеся какие – то заслуги данного автора. Журнал «Экономист» решает главную задачу – обсуждает корень существо экономических проблем развития России и мировой экономической системы. Он развернул масштабную дискуссию среди национально ориентированной и патриотично мыслящей профессору по поводу новой индустриализации страны и поиску её форм. Кстати, высшие должностные лица государства стали употреблять термин «неоиндустриализация» после того, как навязанные проблемы освещены данным журналом. Любое издание имеет текущие проблемы, в том числе проводит редакторскую политику, но важно сохранить одно – любой общероссийский научный журнал, имеющий имя и историю не имеет права замыкаться односторонне на своём клане, и обязан

давать палитру взглядов и мнений, как главного условия поиска истины при соблюдении этических норм общения и научного поиска. Если профессора МГУ нарушают такие нормы, то это дело их совести, либо её отсутствия. Ясно одно, что ведущий вуз страны, если желает сохранять свой такой статус должен иметь в своём составе кадры соответствующего этического содержания. Стремление унижить кого-то унижает только его самого.

Заискивающая форма общения с западными представителями экономической науки делает «медвежью услугу» для развития экономической науки России. Конечно, речь не идёт об отсутствии обмена, дискуссий, встреч и конференций. Разумеется, приглашение является основной формой таких обменов и дискуссий, но смысл в том, чтобы исключить подражание и заискивание, спекуляцию в этой области. Каждой модели, позиции, не говоря о концепции и теории – нужны обоснования (логические), подтверждения – эмпирические. Точность определений и формулировок довольно значима в экономической науке. Если эти формулировки расплываются, если выстраиваемые классификации постфактум также сильно упрощены и условны, то данный набор тезисов вряд ли уместно именовать теорией. Проектируемые модели, подобно названным только искажают и направления развития самой науки, и, что особенно важно, нарушают логику практических решений и интерпретацию результативности действий в области экономики, осуществляемых правительствами.

В российской экономической науке, на мой взгляд (который, естественно, многие признают ошибочным по понятным для меня причинам), сложилась система, которую условно можно назвать «академическим шоу-бизнесом», и которая, разумеется, не имеет никакого отношения к оценке по достоинству научных достижений, с вытекающей отметкой тех исследователей, которые эти достижения обеспечивают.

Академический «шоу-бизнес» сводится не только к выборам в Академию и относится к тем научным направлениям, где определить подлинный научный вклад представляется проблематичным. Он воспроизводится самой иерархической системой – системой академических званий, возвышающихся над степенями кандидата, доктора наук и званиями доцента, профессора., члена-корреспондента и академика. Точнее, вклад – то худо бедно определить, установить можно, либо его отсутствие, а вот сравнить этот вклад со вкладом иных соискателей довольно не просто. Здесь включаются, как правило, субъективные критерии, не имеющие отношения к научному труду. Вклад этот по разным направлениям науки и сопоставить его, оценить трудно.

Очень похожие процессы охватывают и высшую школу России, систему подготовки научных кадров, о которой я неоднократно писал. (статьи: Учёные, учёность и образование, Образование и наука России: уничтожающий формализм реформ и спекуляции на инновациях, 2006, 2009).

Граждане страны должны поставить под общественный и государственный контроль процессы в науке и высшей школе, которые

осуществляются за наши деньги, и не проводить не обоснованных изменений, формальных и поверхностных по существу или увеличивающих коррупцию, как это происходит сейчас, увеличивающих власть «местных» князьков от науки и образования. Нельзя допускать уничтожения достойных людей за достойные диссертации в стране – это главное условие её инновационного развития, как нельзя поощрять развитие неких ассоциаций экономической науки России, которые вводят цензуру и измеряют науку по титулам своих организаторов, учредителей намеренно блокируя выступления отдельных профессоров, включая несервильную а потому и неугодную молодёжь, на конференциях, позиция которых идёт вразрез с официозом или с позицией членов этих ассоциаций. Причём необходимо порицать стилистку присвоения права определять, что верно и что неверно в науке, какой уровень высокий какой низкий для равноправных исследователей. У подобных ассоциаций на их сайтах приведены цели создания, как доведения уровня исследований в России до мирового. При этом, как правило, уровень организаторов данных ассоциаций таков, что их научные исследования сводятся к копированию западных исследований с небольшими изменениями. Они назначают себя сами судьями по оценке уровня, пользуясь регалиями и эффектом «принадлежности к организации». Стилистика поведения, когда профессору не дают выступить под тем или иным соусом – должна быть упразднена, всячески высмеиваться и отвергаться. Это типичное не научное поведение, связанное с блокированием научного поиска, отторжением критически мыслящих людей, аргументировано отстаивающих свои позиции. Критицизм мышления – это основа научного поиска. Любое исследование в экономике начинается с критического анализа, который возникает в ходе логического осмысления материала, теорий, либо, при нестыковке эмпирических данных с каким-то теоретическим положением, тезисов, который уже стал стереотипом и путеводной звездой в экономическом анализе. Именно критичный ум способен приземлить эту «звезду».

О каких психологических мотивациях можно вести речь, если молодёжь не выдвигается на ответственные позиции и должности принятия решений - в науке, образовании, производстве, а если выдвигается, то это выдвижение становится большей частью итогом клановой игры, либо сервиллизма. Молодёжь не говорят, не стремятся подготовить, поскольку она представляет угрозу, потому что может занять те административные места и позиции, которые занимают в настоящий момент люди пенсионного возраста. Именно они и не заинтересованы в подготовке молодёжи. При этом забывается то, что высшая цель образования не просто подготовка новых кадров, но подготовка таких кадров, которые бы в перспективе опередили своих учителей. Такая подготовка возможна только при высочайшей культуре управления и осознания задач кадрового обеспечения национального хозяйства как центрального условия его конкурентоспособности. То же относится и к научным кадрам в широком значении и применительно к экономической науке в частности.

Фундаментальные изыскания необходимо финансировать обильно, вообще не думая об отдаче, тем более быстрой. Кто считает это положение абсурдным, тот в принципе не понимает задач и культуру фундаментальной науки. От культуры какую отдачу мы ожидаем – от музеев, архивов, театров и библиотек? Фундаментальные исследования могут обеспечить прорыв непредсказуемо далеко. Ради вероятности такого исхода нужно финансировать и обеспечить приоритетное развитие фундаментальным исследованиям, а уже потом думать о возможностях их успешной продажи. Нужно иметь в наличии то, что потом будешь продавать

Когда граждане страны ощущают, что как будто в стране не за кого голосовать, нет альтернатив – это, прежде всего, говорит о том, что отсутствует кадровая политика, обучение и подготовка кадров, а режим якобы отсутствия адекватной и достойной замены воспроизводится искусственно.

Делая членами секции РАН банкиров, владельцев портов, либо за сомнительные концепции, но в любом случае тормозя не сервильную молодёжь, тех, кто лично исследованиями, пишут книги, грамотны, расширяют негативную «русскую» традицию, когда работающие и умные не нужны.

Одной из причин, что члены секции не видят и не знают работ отечественных авторов и не умеют их по достоинству оценивать, ведя себя в соответствии с правилом «нет пророка в своём отечестве», является то, что они их не читают, воспринимая в основном достижения на слух «по докладам». Манера оценки на слух по докладам, конечно, создаёт искажённое впечатление о подлинном вкладе. Это кроткая упрощённая форма – и создавать она может такое же впечатление, короткое и упрощённое – иного не дано.

Я против уничтожения Академии наук (подобные планы периодически обсуждаются, принимая вид неких дискуссий¹) с целью захвата её зданий, сооружений, инфраструктуры, развёрнутой в лучших уголках Москвы и других столичных городов, но и то, что наблюдается сейчас, по крайней мере, по секции экономики – не может далее продолжаться ни в рамках этой секции, ни в рамках других секций. Академия превращается в избранных от номенклатуры. Часто лоббируются и открываются специальности под конкретного человека, чтобы он стал членом-корреспондентом или академиком по этой специальности – направлению. Большею частью проходят директора институтов или их заместители. Но почему и кто решил, что, получая и так более высокую заработную плату за их должность, они автоматически осуществили вклад в науку, занимаясь в основном административной работой? Тем самым, число номенклатуры в секции возрастает с соответствующими возможностями и взглядами на развитие

¹ Видимо, никогда на Западе даже не возникало такой проблемы, например, с Американской академией или с Американской экономической ассоциацией. Это то же говорит об уровне развития страны и внутренней культуры. В России тема уничтожения, либо ликвидации, либо объединения, разъединения вот уже 20 лет является центральной в управлении страной, как и тема приватизации и т.д.

науки. Должность не определяет этот вклад, то есть и старший, и ведущий научный сотрудник, и профессор кафедры, вполне могут внести вклад куда больший, нежели их начальник, поскольку именно они заняты конкретными исследованиями в конкретных областях, что и должно подлежать честной оценке. Разумеется, эта оценка зависит от исходного уровня тех, кто оценивает, а он, в свою очередь, не определяется фактом их избрания или должности. Прямой связи здесь нет и быть не может.

Особо опасным для России видится идея переноса научной компоненты в высшие учебные заведения, в то время, как они явно пока не готовы к этому. Более того, видимо, это делается в ущерб имеющимся возможностям Академии наук. Такое противопоставление, а именно оно обнаруживается в политике в области образования и науки последних лет, крайне вредит развитию и системы академических исследований и системе высшего образования в России. Стратегия должна состоять в объединении этих систем, их усилий в решении единых задач образования и науки. Академия наук отвечала и должна продолжать фундаментальные исследования, рассматривая вузы, в связи с отсутствием отраслевой науки, которая существовала в советское время, как полигоны для доведения этих исследований до прикладного уровня и звенья, связывающие Академии наук с производством.

Нужно отметить ещё такую тенденцию в российском научном экономическом истеблишменте. Поскольку он становится всё более бюрократизированным, отторгает настоящих исследователей, посвятивших себя науке, постольку, подчиняясь законам бюрократического развития, главной целью которого является отчёт и формализация работы, выдвигается молодёжь, но молодёжь «сервильная», то есть выдвигаемая по принципу «родства», близости к некоему клану, выгоды для членов бюрократического сообщества. Формально система рапортует о выдвижении молодёжи. Но возникает вопрос, почему выдвинут субъект X1, а не X2? Кто сравнивал их таланты, их способности, их вклад в науку? Субъект X1 защищает в феврале месяце докторскую диссертацию, в мае получает уже диплом, а в июне становится заместителем директора или руководителем некоего Фонда или института. «Зелёная улица» открыта «некими» силами для этого агента, а другому X2 не дают создать кафедру или сектор, причём у него есть соответствующие специалисты. Проблема в непотических связях, отчасти и в коррупции. Причём коррупция и борьба с ней в России мифологизируются, поскольку невозможно бороться с укладом жизни, а коррупция - это и есть сформировавшийся уклад жизни, пронизывающий все её проявления снизу доверху. Поэтому, вспоминая русского академика И.И.Янжула, только повышением всестороннего «экономического значения честности» можно за довольно длительный период попытаться изменить ситуацию. К сожалению, процессы демотивации и нравственного распада имеют большую силу инерции. Противостоять им можно только с вершины власти и ориентируя средства массовой информации, коммуникаций, Интернет и иные культурные средства на воспроизведение честного

результата и отторжение неискренности, лени, приспособленчества, угодничества с тем, чтобы воссоздавать атмосферу конструктивного этического диалога и нравственного оздоровления общества – атаки проблем, а не людей, выяснения того, что правильно, а не того, кто не прав. Такая атмосфера и организация будет полезна к процедурам выборов в Академии наук и к функционированию высшей школы России.

Разумеется, видимо, членами Академии, в том числе, могут и должны становиться люди, за организацию научных исследований, то есть занимающие административные посты, но их доля в общем объёме участников, на мой взгляд, не должна быть не только высокой, но и значительной. К сожалению, сейчас ситуация прямо противоположная. Причём, чем выше ограничения по финансам, тем устойчивее тенденция избирать тех, кто эти финансы может предоставить. Подобное положение вещей должно быть устранено, так же как и ранжир достижений по возрасту. Более того, эта доля по секции экономики явно нарастает, включая в неё и олигархов, банкиров, которые готовятся к избранию или уже избраны членами секции.

Сейчас складывается ситуация, когда можно обесценить любой тезис, какой бы логической силы он ни был. Если исследователь задевает интересы «научной бюрократии» или «академического шоу-бизнеса», то он будет отторгаться системой – никто не скажет: «да, этот исследователь честен и прав». В этом и состоит основная проблема нынешнего этапа российской экономической науки, людей, её представляющих.

Существует ещё масса проблем развития экономической науки России – это и покупка диссертаций, работа диссертационных советов, кафедр, институтов, бюджетного финансирования и заказа на экономические исследования и т.д. Отсталость в обеспечении информацией, дифференциация кадрового состава, нарушение преемственности школ, трудности с нахождением подлинных учителей и руководителей аспирантских и докторских работ и т.д. Но все они вытекают и являются производными от сложившейся системы правил и психологических установок, которые действуют на зависимое и интеллектуально недостойное и жалкое её существование.

Нужен неконъюнктурный, беспристрастный подход, служение науке, а не использование её в своих интересах или в бизнес-целях, как происходит сейчас не только в России, но и на Западе. Нет желания разбираться в проблемах, думать, как их решить, атаковать проблемы. Есть желание атаковать людей. В этой книге все критические моменты направлены как раз на изучение и поиск рения проблем, при уважительном отношении к тем исследователям, с кем я не соглашаюсь, причём мои же разработки могут быть столь же ошибочны сколь и их. Я считаю их специалистами высочайшего класса, значительно превосходящими меня во многих вопросах экономической науки. Однако, думать и размышлять над положением науки в России, её успеха, а также не только России, но и мировой науки, мне невозможно запретить. Конечно, несогласие, даже аргументированное можно

свести до уровня «личного мнения», как это обычно и делается, но для меня важным остаётся продвинуться в решении методологических проблем экономической науки и особенно – российской экономической мысли. Организация науки, решение конкретных задач, адекватная современным проблемам хозяйства постановка научных проблем и движение по пути их решения – вот единственно возможная эффективная стратегия функционирования экономической науки в России.

В общем и целом, с глубоким прискорбием и сожалением, несмотря на имеющиеся позитивные усилия российского правительства, всё-таки приходится констатировать недостойную, уничижительную атмосферу функционирования науки и высшей школы в России. Интересно отметить, что «подчистка» советов бьёт, как правило, по лучшим и наименее коррумпированным советам и вузам, обычно техническим университетам, которых нужно лишить права заниматься экономической наукой. Этот театр абсурда продолжается, когда выстраиваются организации не под задачи, а под людей, под того, кого «надо продвинуть», закрепить и т.д. «Социальная рыхлость» общественной системы, порождённая крушением института оценки и расцветающим nepотизмом помноженным на возможности капитализма и денег, создаёт отнюдь не радужную перспективу. Причём позитивные усилия в этом плане соседствуют с негативом, и это создаёт причудливый российский калейдоскоп перемешивания различных проявлений, направлений и школ. А «груз» развития мировой системы, её инерция остаются при этом неизменными, что наводит на удручающие мысли. Эти ничтожные мысли должны быть отвергнуты представителями экономической науки, чтобы не сотворить себе кумира и в атмосфере поиска и сотрудничества, а не калек и условностей, измерений «исследовательских уровней» и баллов или индексов цитирования осуществлять реальное правдивое продвижение экономического знания и выживание человеческого общества. Когда-то Кейнс Дж. М., парируя обвинения в адрес экономистов, которые уже тогда многим казались заслуженными, сказал, что «экономисты – это люди, которые делают цивилизацию возможной». Так давайте отвечать своими действиями столь высокой авансовой оценки нашего труда.

Перспектива экономической науки России состоит в том, чтобы она прекратила себя унижать и как следствие этого самоунижения – уничтожать. Российские экономисты умеют писать не только англоязычные обзоры и заниматься эпигонством, но и писать оригинальные авторские работы, отстаивающие их позицию, предлагать модели и значимые практические рекомендации. Блестящая работа проф. Ю.Я.Ольсевича, на которую уже была ссылка во введении, даёт критически значимое видение достижений так называемых нобелевских лауреатов, высвечивая ограниченность разработок и перспективу их изменения, причём автор предлагает и собственное видение методологической перспективы экономической науки, которую он видит в экономической психологии и разветвленных возможностях этой парадигмы. Я несколько сдержан относительно такой перспективы и выступаю за «методологический плюрализм» и вытекающее из него инструментальное

разнообразие, не превознося, однако, и возможности «междисциплинарного подхода». Но не могу отрицать, что глубокий анализ «нобелевских идей» важен уже сам по себе, не говоря уже о том, как элегантно обнаружены ограничения многих подходов, которые когда-то считались очень перспективными. При этом мы не должны терять «ненобелевские идеи», которые могут оказаться куда значимее и ценнее, недели «нобелевские». Многократно я писал о крушении института оценки. Этого крушения, точнее следствий из него, не избежали и «великие награды», особенно в области общественных наук. Увеличивать перспективу использования эффектов, имеющих основу в генетически наследуемой психике человека, также не стоит. Проблема агрегирования будет оставаться для макроэкономической системы, а на уровне отдельных агентов, обмена и других микроэкономических событий, подобные аспекты учитываются уже сегодня, например, анализ доверия, оппортунизма, иные психологические проблемы в управлении.

Российская экономическая мысль, конечно, должна учитывать достижения мировой экономической мысли, «впитывать» их, однако, делать это нужно «критически», то есть с умом, не занимаясь «слепым» копированием, подражанием или поддакиванием, развивая сервиллизм и угодничество. российских экономистов итак не пускают в ведущие журналы Запада, за редким исключением, и проблема отнюдь не в слабости работ, наоборот, отсутствует должное понимание этих работ, как бы удивительным это не показалось. В каждом журнале действует своя «калька», своё восприятие науки. На Западе то же действуют кланы, группирующиеся вокруг журналов, коих стало великое множество по разным темам и направлениям. Рост числа исследователей и журналов отнюдь не становятся факторами, изменяющими ситуацию в экономической науке и, что наиболее важно, в экономическом развитии. А именно это условие может быть критерием «глобальной» эффективности экономического знания. Можно десятки лет что угодно уточнять, либо конфликтовать с неоклассикой, либо проектировать некие модели, но это должно давать конкретный выход в области управления обществом. Перспектива российской экономической школы в мировом значении мне видится успешной только тогда, когда из подмастерьев российские экономисты превратятся в самостоятельное звено мировой экономической мысли, со своими журналами, в которые будут стремиться опубликоваться, западные «специалисты», а им будут отказывать в силу неточностей и натянутых положений, коих великое множество сейчас в их работах, но ситуация по публикациям и в журналах – обратная. Если будут развивать науку не оглядываясь, что сказал некий нобелевский лауреат, или иной «корифей». Независимость мышления – главное условие научного прогресса. И ещё важно то, что успех экономического развития России способен поднять экономическую науку и возвысить её статус. Для этого необходимо, чтобы решения базировались на строго научных рекомендациях, чтобы экономика России развивалась асимметрично, независимо от надиктованных рецептов из-за рубежа. Российским

экономистам не нужно стремиться опубликоваться на Западе и получить премию там, пусть они стремятся опубликоваться в России и получить премию от России.

Для этого нужно иное качество экономического развития, честность и объективность в исследованиях и рекомендациях правительству, подготовка новых исследователей, которых отличает ум, глубокий кругозор и патриотизм, а не знание английского, для того, чтобы стать проводниками языковой, затем культурной и научной экспансии, вся равно опаздывая, и готовить не плохие или даже хорошие обзоры англоязычных журналов по экономике.

Противостоять же деструктивным процессам в российской экономической науке можно активной работой, оригинальными идеями и аргументированными предложениями, честностью и искренностью позиции, а также смелостью идти в противоположном фарватере власти и всемогущей бюрократии, представляющей российскую и мировую науку.

2. Состояние мировой системы и задачи экономической науки

На нынешнем историческом этапе мировое развитие характеризуется тремя основными чертами, которые одновременно выступают и условиями дальнейших изменений и траектории её движения.

1. Крах международного права и мирового порядка, с вытекающим усилением военных конфликтов, организуемых высоко развитым в экономическом отношении государством. При этом международные организации, зависимые от финансирования становятся декорацией для проведения глобалистской гегемонистской политики «страной-жандармом», которая стремится сохранить своё экономической и политическое влияние повсеместно.

2. Обострение экологических проблем и усиление бедности – диспропорций развития, без существенного продвижения в их решении. Рост организованной преступности в мире и расширение доли дивергентных общественных форм поведения. Эти проблемы, а также наличие увеличивающихся конфликтов в виде войн не учитывает ни одна экономическая теория, с одной лишь оговоркой относительно объяснения войн для марксизма и экономической школы, изучающей циклическую динамику. В частности, анализ войн проводил Н.Д.Кондратьев², пытаясь дать их согласованный анализ с выделяемыми им большими циклами. Однако, экономические теории, принимаемые сегодня в качестве базы для экономической политики, подобного анализа не проводят и данные факторы практически не учитывают. Другое дело, что теории циклической динамики, больших волн, обладая очень невысокой прогностической силой, тем не менее, фактом своего существования и применяемого аппарата анализа,

² 17 марта 2012 года ему исполнилось 120 лет со дня Рождения

обесценивают управление, точнее привязывают его к циклу, к волне. Как будто, управление не может быть таким, чтобы нарушать либо амплитуду циклического движения, либо глубину волны, да и какие бы действия не предпринимались, перспектива как будто подчиняется циклу. Институты и технологии также привязываются к циклу, получается такой «цикловый детерминизм», причём, что определяет амплитуду колебаний и глубину волны, а также изменение частоты кризисов, остаётся не вполне ясно.

3. Отсутствие императивов мирового развития – неадекватность стратегий догоняющего и опережающего развития, обострение борьбы за сохранение капиталистической формы хозяйства, «клановости» общественной системы, прикрывающей свою неэффективность под ширмой разговоров о демократии и якобы имеющейся возможности решать существующие проблемы методом голосовательной процедуры. Однако, при решении международных вопросов опыт показывает, как голоса могут покупаться, что существует политическая торговля, в которой наравне с материальными выгодами присутствует и политический интерес, что также предстаёт в виде отсроченной материальной выгоды.

В связи с наличием указанных проблем мирового экономического развития, если говорить о задачах экономической науки, то их можно подразделить на две большие группы.

Во-первых, это задачи организации науки и постановки исследовательской работы – они то напрямую и затрагивают кадровую проблему, формирование научных школ и обеспечение преемственности знаний.

Во-вторых, это задачи, возникающие из репродукции самого знания и представлений об экономической науке как сфере человеческой деятельности, области приложения усилий конкретных людей, представляющих учёное сообщество.

Что касается первой группы задач, то их решение сводится к омоложению состава кадров со всеми известными методами и процедурами, которые необходимо для этого применить. Кроме того, необходимо обеспечить представление российской экономической школы в мире, причём работать над этим целенаправленно, выводя и качество исследований на мировой уровень, и осуществляя административное стимулирование, перевод и публикацию работ российских экономистов за рубежом. Эта задача не должна стать делом сугубо личным, индивидуальным. Отдельные российские экономисты известны западным школам, но какова полезность от этой известности, когда ещё многие результаты, полученные в России, иногда в результате личной самоотверженности конкретного исследователя, просто остаются недоступными для западной экономической общественности.

Теперь охарактеризуем ряд наиболее значимых на наш взгляд задач, стоящих перед экономической наукой. Они связаны с краугольными группами проблем мирового развития, о которых велась речь выше, и по мере движения в решении этих задач будут находиться и рецепты,

разрешающие мировые проблемы. Основная задача социальной науки – это двигаться вперёд по решению конкретных проблем. Если крупные проблемы пока трудны в решении или в практической реализации рекомендаций науки, то наука не должна чураться решать узкие задачи, что в совокупности создаст «вал» позитивных решений, оправдывающих предназначение науки. Решение задач микроэкономического уровня, отраслевого, отдельных задач управления, методического обеспечения деятельности человека, алгоритмического и математического обеспечения расчётов, оценок, измерений – составляет совокупность подобных задач. Повышая эффективность отдельных подсистем и объектов, отдельных решений, при условии отсутствия конфликта с функционированием взаимосвязанных элементов (когда повышение эффективности одного элемента не приводит к понижению эффективности другого элемента), наука улучшает перспективы развития. Итак, к наиболее крупным задачам, требующим совершенствования методологии экономических исследований, отнесём следующие три группы задач.

Первая группа задач. Экономическая наука представляет собой культурный феномен и довольно строгую область исследований, имеющую свою логику и методологию. Она представлена множеством исследователей, которые часто имеют противоположные, если не непримиримые позиции. Как заметил однажды Бернард Шоу, если собрать всех экономистов в одной комнате, то они никогда не договорятся. Вместе с тем, это не мешает формированию представлений об экономической науке как о довольно точной научной дисциплине, приводящей к строгим выводам и решениям частных и общих задач.

Однако экономистам необходимо перманентно задаваться вопросом относительно предназначения своей науки. Действительно, если вести речь о промышленности, строительстве, сельском хозяйстве, образовании, то каждая из названных сфер предоставляет обществу, живущим людям какие-то блага, в которых существует или периодически возникает потребность. Промышленность предоставляет инструменты бытового назначения, продукты, строительство – место проживания и осуществления производства, сельское хозяйство – продукты питания, образование – обеспечивает подготовку специалистов необходимой квалификации, чтобы осуществлять перечисленные виды деятельности с наименьшими для общества затратами, наиболее экономно расходуя ресурсы и обеспечивая благами растущее население (потребности). Наука, если говорить о комплексе научных сфер, тесно связана с образованием – она то и обеспечивает системе образования собственно предмет обучения, производит новые знания. Однако если речь вести о физике или химии, то они дают конкретные технологии для соответствующих производств, которые используются человеком напрямую в ходе хозяйственной деятельности, иными словами система образования может не участвовать в этом процессе. Подобные исследования могут носить как фундаментальный, так и прикладной характер, но обычно они подчинены цели решения какой-то

технической, технологической, народнохозяйственной задачи. Одновременно с этим, можно сказать параллельно, в рамках указанных наук совершенствуется их методология, рождаются новые направления анализа, выявляются закономерности, открываются общие или частные законы и т.д.

Таким образом, происходит совершенствование аппарата науки, её методологии. Конечно, в таких точных или естественных науках можно обнаружить и чисто фундаментальные исследования, которые в обозримой перспективе не будут иметь точек практического приложения. Например, в астрофизике или квантовой механике - открытие каких-то частиц или скоплений в космическом пространстве расширяет систему взглядов человека на материю и происхождение мира. Следовательно, можно утверждать, что основных целей предназначения точных и естественных наук как минимум две – это расширение границы познания мира и совершенствование теоретического аппарата науки, её методологии, а также решение конкретных технико-технологических задач и использование научных результатов фундаментального характера в прикладном аспекте. Причём, стоит сказать, что решение первой задачи не есть самоцель развития конкретной области знаний.

Что касается экономической науки - ситуация примерно такая же, но она осложнена тем, что экономическое знание развивается и трансформируется параллельно с общественными изменениями. Исследующий экономику субъект сам является неотъемлемым элементом социальных структур и на него и на его исследования накладываются отпечаток традиции, обычаи, культура, стилистика проведения исследования, существующие научные школы и принятые ими правила поведения в научной среде. По этой причине можно говорить о наличии двух контуров развития экономической науки. Первый представляет собой контур саморазвития, в пределах которого наука совершенствует свой собственный инструментарий познания, решает возникающие методологические проблемы. Второй – генерирующий развитие вовне, то есть обеспечивающий точки воздействия экономического знания на хозяйственную практику и правительственную политику. Если теоретическая физика ещё как-то может развиваться в рамках первого контура, то относительно экономической науки нужно сказать, что в данном случае она просто превратится в клуб людей, которые разговаривают только сами с собой, что, в общем, будет представлять некий медицинский диагноз. Для экономической науки такая форма развития категорически неприемлема. Иными словами, экономическое знание может успешно развиваться, только исключительно когда оба контура подвержены некой взаимной верификации. Иными словами, не только и не столько прогноз выступает абсолютным верификатором экономического знания, не только появление новых школ и исследователей обеспечивает появление новых научных программ, формирует общую парадигму знания. Результативность рекомендаций и решений, которые предлагает экономическая наука, является важным и до сих пор всё ещё недостаточно используемым верификатором экономической теории, причём

эта результативность воплощена в разработке и реализации конкретных мероприятий экономической политики. Прогноз может один или второй раз подтвердиться случайно, но при последующих событиях не подтверждаться. Вероятность этого исхода имеется. Однако, модель и допущения, которые лежат в её основе, будет верна для установленного отрезка времени, где и прогноз выполнялся на основе этой модели. Быть может, совпадение случайно. Таким образом, экономическая наука имеет достаточно «слабые» возможности по верификации создаваемого знания, что и составляет центральную методологическую проблему, но и ограничивает сами возможности науки. Единственный способ, каким можно выйти из столь невыгодного положения – это верифицировать на нескольких участках алгоритма получения знания, включая участок измерения, расчёта, метода, допущений, анализа и т.д. Допущения должны быть просты и адекватны, логически неуязвимы, как можно ближе соответствовать исходным пунктам практического поведения агентов. Анализ должен предполагать использование базовых методов познания, причём в наибольшем разнообразии и сочетании, это повысит устойчивость и достоверность знания. То есть, прежде всего, сочетание анализа и синтеза, индукции и дедукции и др. Прогноз также является вспомогательным инструментом, эмпирические проверки, лабораторный эксперимент, оценка результативности предлагаемых рецептов, исторический опыт реформ, планирования, институциональных трансформаций и т.д., сопоставительный анализ, который нужно применять осторожно. Требуется использовать весь имеющийся аппарат математики, статистики, игровые конструкции, имитационное моделирование, искусственный интеллект. Кроме, того, не следует пренебрегать механическими, биологическими аналогиями, достижениями психологии и других наук. Такое разнообразие повышает адекватность знание и аппарата науки, расширяет возможности экономического анализа. Самым важным направлением является связь экономической науки и управления. Необходимы модели, принципы, методы, которые бы позволяли устанавливать чувствительность параметров экономической системы при воздействиях на неё к инструментам воздействия. Тогда удастся усилить результаты в части совершенствования передаточного механизма экономической политики. Сейчас многие правительства действуют по наитию, или полагаясь на прошлый опыт, либо какую-либо теоретическую доктрину, предписывающую те или иные действия и как правило не справляющуюся с системной сложностью экономики, не представляющую как взаимосвязаны и совместно изменяются многие её параметры. Этими условиями очерчиваются возможности экономической науки и её перспективы.

Поэтому можно выделить два фундаментальных уровня формулировки задач и осмысления экономической наукой самой себя, своего предназначения, от которого в сильной степени зависят перспективы развития экономического знания:

1. Важнейшей задачей экономической науки выступает повышение аналитической точности принимаемых управленческих решений, оценки результативности экономической политики. Цель состоит в том, чтобы лицо, принимающее решение, осуществляло свои действия на основе рецептов, предлагаемых тем или иным теоретическим направлением, обосновывающим необходимость именно таких действий. Тогда в итоге можно будет сказать, насколько предпринятые меры были успешны и насколько справедливы предложения данной теории. В случае, если аналитическая строгость такого подхода будет соблюдена, экономическая наука получит дополнительный своеобразный верификатор, которого до сих пор по большому счёту не имела, т.к. провалы правительственных мероприятий объясняются обычно чем угодно, только не недостатками теоретических доктрин, на основе которых они подготавливаются. Иногда на экономическую теорию возлагается весь груз ответственности за провал конкретной экономической политики, как, например, было в России с монетаризмом. Однако подобные обвинения никоим образом не связаны с содержанием подлинной теории, а являются лишь способом политических обвинений для доказательства справедливости иного подхода или направления развития. Ведь легко переложить ответственность на несправедливость теории или сказать, что она была ошибочно применена, чем говорить, скажем, о намеренности каких-то действий или более грубых политических ошибках, в этом ключе о заинтересованности ответственных лиц.

2. Обеспечение преемственности в воспроизводстве научных знаний представляется центральной задачей развития экономической науки, поскольку только таким способом социальная наука может избрать целесообразные ветви своего развития и не выйти на хребтовые траектории. Если происходит потеря молодых исследователей, подготовленных кадров, то это приводит к тому, что научные школы вначале чахнут, а затем исчезают, при этом теряется уникальная информация и опыт, носителем которых были представители данного течения мысли. Колоссальные потери при таком исходе возникают в силу того, что утрачивается возможность синтеза отдельных направлений и обогащения общей теории за счёт её диверсификации.

Вторая группа задач. Это взаимоотношение экономической науки и демократического устройства. Может ли экономическая наука пролить свет на то, насколько эффективна та или иная форма общественного управления? После уничтожения так называемой социалистической системы, базирующейся на принципах централизованного управления экономикой, некоторые западные социологи и обществоведы провозгласили принцип «конца истории», что, дескать лучше либеральных принципов и либеративной демократии – человеческое общество не придумало. Однако подобная абсолютизация каких-то доктрин, позиций, мнений, не имеющих под собой строгих обоснований, опасна по причине возникновения нового фетиша, создания режима самоуспокоенности, в то время когда имеются довольно убедительные сомнения относительно эффективности данного

общественного устройства, указанных принципах и их долгосрочной жизнеспособности в неизменном виде. Имеется в виду, что отсутствуют какие-либо определённые гарантии того, что выбор либеральной демократии как системы управления обществом не является хроническим сценарием развития человеческой цивилизации. Скорее наоборот, имеются свидетельства в пользу того, что именно современные формы капитализма, базирующегося на свободном демократическом режиме губительны с точки зрения перспектив выживания человеческой популяции. Современные системы управления и экономические модели, а также правительственные решения, принимаемые на основе представлений о рыночной экономике, не учитывают экологические факторы развития. Эта проблема описывается экономистами как проблема внешних экстерналий, когда издержки перекладываются на третью сторону, не участвующую в производстве конкретных благ, то есть на окружающую среду. Однако наравне с отрицательными экстерналиями существуют и положительные – образование, выгоды от которого приобретает всё общество и именно по этой причине данный вид блага недопроизводится – возникает социальный разрыв. Следовательно, экономическая наука способна определить узкие места в экономическом развитии, но далеко не всегда способна предложить действенных моделей исправления ситуации, поскольку не может выйти за границы институциональных рамок сложившейся капиталистической системы рынков и либеральной демократии.

Экономическая наука не есть сугубо позитивная теория, лишённая нормативных начал, поскольку она, являясь элементом культуры, сильно зависит от последней и детерминирована национальными особенностями. Кроме того, в некотором смысле экономическая наука зависит и от политической системы, идеологических предпочтений и оценок, совершаемых ошибок. Измерить величину этой зависимости довольно проблематично, хотя этот параметр влияет на качество экономического знания, выводов и предлагаемых решений различных социальных задач. В то же время от состояния политической системы, идеологии, нравственного климата, культуры экономической политики зависит то, будут ли восприняты рекомендации экономического сообщества правящим истеблишментом. Роберт Хайлбронер однажды высказался так: «экономическая наука должна осознать себя сомоё не только как аналитическую дисциплину, но и как идеологию».

Основной фактор неэффективности системы управления так называемой социальной либеральной демократией довольно ярко показан в книге Сомерсета Моэма «Тогда и теперь». Система рынков и свобод, которые зависят и во многом определяются функцией доходов, монетарным обеспечением, не позволяет индивиду реализовать, помимо права частной собственности, ещё одно своё не менее естественное право – работать на укрепление государства и создание условий жизни для будущих поколений. В конце концов, такая модель поведения благородна уже хотя бы потому, что полностью отвечает биологической природе человека и его предназначению,

сводимому к сохранению и увеличению популяции себе подобных. Причём важно, чтобы эта расширяющаяся популяция имела не сужающееся жизненное и социальное пространство и была обеспечена всем необходимым с точки зрения реализации социальных функций.

В такой социальной системе, где социальное расслоение велико и денежная функция преобладает, институт честности становится забытым фактором производства в янжуловском смысле. Один из героев Мозма утверждает: «Моё честолюбие – это честно служить моему государству». И получает следующий характерный ответ: «Именно этого Вам и не позволят. Кому как не Вам, известно, что в Республике с подозрением относятся к талантливым людям. Там человек достигает высокого положения только потому, что его посредственность не представляет угрозы для коллег. Поэтому демократическим государством управляют не самые достойные, но те, чья ничтожность не вызывает опасений остальных. Вы знаете какие язвы разъедают сердце демократии? Зависть и страх. Чиновники завидуют друг другу. Готовы на всё, лишь бы не дать талантливому человеку прославиться, даже помешать ему принять необходимые меры для безопасности и процветания государства и каждый боится, потому что знает: найдутся другие, которые не остановятся ни перед ложью, ни перед подлогом, чтобы занять его место и что из этого следует? В результате больше всего на свете они боятся ошибиться. А, как известно, не ошибается тот, кто ничего не делает. Говорят, ворон ворону глаз не выклюет. Думаю, тот, кто придумал эту поговорку, никогда не жил в демократическом государстве». Как видим, утверждение, что «демократия является далеко не самой лучшей формой правления, но лучшего не придумано» выполняет пагубную роль неадекватной общественной установки, которая может быть и должна быть пересмотрена усилиями экономического анализа. Безусловно, неверно считать, что модели зависти и страха не присущи для экономических систем с иной формой организации общественной жизни, скажем для централизованного социалистического государства. Но у нас нет оснований отрицать, что в системах, где высок уровень дифференциации по доходам и где основные права и их реализация привязаны к функции личных доходов и по этой причине базисные права не являются гарантированными, хотя и провозглашаются, институт зависти и страха развит несравненно сильнее и имеет обширное распространение.

В связи со сказанным, вытекает важнейшая задача экономической науки – это объяснение общественного устройства, его целесообразной формы, а также способность предложить необходимые институциональные формы, которые делали бы жизнь простой, то есть эффективной, и благодатной, то есть справедливой. Какая форма общества эффективна, существует ли какой-то идеал эффективности, вопросы отнюдь не праздные. Живущие где-то в Латинской Америке или Африке племена, считаются отсталыми в развитии, закатом цивилизации, но они так сами не считают и не желают другого устройства и иной жизни. Невозможно сказать, что критерии капитализма ценнее или важнее критериев или принципов, которые

разделяют члены данного племени. Капиталистическая цивилизация развита постольку, поскольку уничтожила биоразнообразие, а передовые страны в тех или иных формах подчинили себе менее развитые. Подобную модель глобального развития вряд ли уместно считать эффективной. Конкуренция и дублирование производства, а также высокое разнообразие товаров, причём схожего назначения представляют собой общие издержки развития, которые могли бы быть несравнимо меньше при иной форме организации. Парадигма роста составляет концептуальную основу развития хозяйственной системы, причём она равносильно дозе наркотика для наркомана, чем дольше потребление, тем необходима выше эта доза, тем на следующих этапах потребность в увеличении её возрастает, пока организм не сможет уже переработать такой объём инородного и очень опасного вещества, разрушающего ткань. Данная аналогия срabатывает и для капитализма, где доза – это потребление и его рост, а разрушение – это разрушение экосистем и обнищание других регионов мира. Возможна и иная парадигма, противоположная росту, а именно парадигма распределения, равного потребления и достатка. Она не должна обеспечивать неуклонный рост, а должна обеспечивать неуклонное выравнивание доходов между различными группами населения, сохраняя лишь незначительную дифференциацию между профессиональными группами. Постановка такой задачи возможна, но её практическая реализация требует больших, если не сказать, фундаментальных, институциональных изменений. Однако, научно точно определить, что одна цель менее адекватна, чем другая, не представляется возможным, даже при осуществлении количественной оценки издержек на институциональную трансформацию и сравнения с оценкой издержек, связанных с дальнейшим уничтожением экосистем. Однако, вторая парадигма, должна быть направлена на перераспределение и сбережение, включая сбережение биоразнообразия. Такой подход, представляется наиболее оправданным для человечества, но вот институциональных условий для смены парадигмы пока нет. Причём разница в развитии стран и сам отрыв в уровне развития науки и технологий институционализирует первую парадигму. Как будто за счёт роста и технологического прогресса, который распространит инновации по всему миру, удастся подтянуть слаборазвитые страны к развитым. Вместе с тем, разрыв продолжает увеличиваться и удары по экосистемам осуществляются с неумещающей интенсивностью. Этот факт опровергнуть не просто. Следовательно, экономическая наука обязана ставить задачу формирования как новой траектории развития, модели развития, и даже новой формы общественного устройства (совместно с другими науками) и рекомендовать эти положения обществу, создавать единое мнение по этому поводу за счёт функции популяризации знания. Фундаментальная наука есть часть культуры отдельного народа и мира. Поэтому она не должна уклоняться от подобных вопросов в связи с их сложностью или трудностей политической реализации.

Третья группа задач. Экономическая наука должна быть способна предложить систему теоретических положений по следующим

направлениям: теории социально-экономической эффективности, теории развития и теории экономической политики. Появляющиеся новые теории будут обладать «методологической силой» в том случае, когда внесут существенный вклад в развитие указанных теоретических направлений. Создание единой теории или общего социального анализа, как бы заманчиво это не было, как бы модным не казалось рассуждать на эту тему, тем не менее, является нереализуемой целью в ближайшем будущем. Предмет, часто объекты и методы общественных наук принципиально отличны, а тот факт, что отдельные науки, как история, право, психология дают материал для выводов других наук, например, экономики, не отменяет названной разницы между ними. Кроме, того эффект разделения труда и узкой специализации, который всё отчетливее фиксируется в современном общественном знании, обществоведении³, будет препятствовать возникновению некоего универсализма в виде единого социального анализа. Увеличение высокого уровня специализации знания сопровождается процессом атомизации исследовательского сообщества, где каждый исследователь работает в одиночку, где трудно сопрягать интересы и темы. При такой специализации единый социальный анализ неизвестно что собой будет представлять, но понадобится создавать тогда единые исследовательские группы как малые коллективы по интересам, либо клубы. Клубный характер науки всё отчетливее проявляется, однако, насколько устойчива эта тенденции, не достигал ли она своего пика, остаётся неясно. Прогресс в психологии, особенно исследовании мозга человека, приведёт к существенным изменениям в экономическом знания, с вытекающими изменениями во всех общественных науках. Уже давно в кибернетике применялись модели, построенные на основе изучения работы человеческого мозга. Однако, нужно помнить, что признание совершенным такую биологическую систему как мозг, может быть несовершенным с точки зрения социума и социальных последствий применения таких моделей, когда они возникнут, потому что взаимодействие многих миллионов «мозгов» имеет отпечаток социальной системы и создаваемых в ней структур. Поэтому напрямую модели управления не могут строиться на основе только лишь изучения мозга – реальные взаимодействия превосходят возможности работы одного мозга, хотя схема его работы представляется сейчас совершенным механизмом.

Если сравнивать неоклассический и институционально-эволюционный подходы, то первый демонстрирует более содержательные достижения по указанным направлениям по сравнению со вторым. По этой причине институционально-эволюционное направление в экономической науке воспринимается в качестве альтернативного течения, некоего второго вспомогательного полюса науки, не имеющего пока равнозначных достижений, таких, как основное течение – мейнстрим. Один из виднейших

³ Кстати, именно эта дисциплина – обществоведение – может претендовать не некое сублимационное представление социального анализа.

представителей старой институциональной школы Гуннар Мюрдаль в работе «Взаимосвязь социальной теории и социальной политики» отмечал: общепризнано, что наиболее обещающей областью для исследований является отсутствие разногласий по модели человека между традиционными дисциплинами. Концепция, которая может держать в неведении экономистов или социологов именуется концепцией «экономического человека» (экономикс) или «социологического человека», но она никогда не может быть предпосылкой для содержательных (разумных) выводов. В действительности существуют простые проблемы, которые могут быть разрешены теоретически или практически, но рациональный путь подхода к ним состоит в использовании методов, которые наиболее адекватны для решения конкретной частной проблемы».

Фактически эта позиция отразила наличие фрагментарности экономического знания и его плюралистичности – сосуществования разных и порой противоречивых подходов в ущерб наличию единой интегральной (общей) теории, но зато позволяющим решать локальные проблемы достаточно хорошо. Подобная локализация знания порождает в конечном счёте эффект его релятивности, то есть исторической ограниченности, что в общем обусловлено и процессами институциональных изменений на продолжительных интервалах времени. Тем самым, свойства экономического знания, такие как его фрагментарность, плюралистичность, релятивизм выступают «методологическими усилителями» жизни экономического знания и экономической науки. Однако, соглашаясь с перечисленными свойствами, которые присущи современному экономическому знанию, хотелось бы подчеркнуть, что немаловажной задачей экономической науки сегодня является формирование не просто адекватных частным проблемам методов. Нужны методы, которые дают решение проблем развития, эффективности и экономической политики, причём в обозримой перспективе. Человеческое общество умеет двигаться от этапа к этапу, обозревая ближайшую перспективу, планируя её и реализуя план. Такой стиль движения не может не сказаться на построении экономического знания и применимости создаваемых методов. Допущения и исходные предпосылки не стоит абсолютизировать, нужны модели, предполагающие изменение этих предпосылок и исходных допущений, главное – изменяющие стереотипы прошлого и аналитические конструкции, обращённые к прошлой эпохе.